

Лишь обойдя ещё две кондитерские, они наконец отыскали торт, на который можно было смотреть без содрогания.

Дело было не столько в особой придирчивости Чи Е, сколько в словах Тун Хуайцина. Тот вскользь обронил пару фраз о разнице между натуральными сливками и растительными, и Чи Е принялся изучать составы с предельной серьёзностью. Скрестив руки на груди, он хмуро вглядывался в этикетки, выискивая подробности. Лавочник за стойкой аж обомлел, приняв его за инспектора из какого-нибудь ведомства.

Но стоит глянуть на это лицо...

На госслужащего он походил меньше всего — ни тени приветливости. Выражение лютное, свирепое. Бандит бандитом, не иначе.

Тун Хуайцин, не замечая дрожи владельца, сидел позади и лакомился пирожным. Ореховое, с шоколадом и хрустящей крошкой — весьма ненедурно. Доев, он попросил у Чи Е влажную салфетку. Тот, всё так же нависая над витриной и даже не обернувшись, на автомате — за годы воспитания детей привычка въелась в кровь — махнул рукой назад и ляпнул ладонью прямо по губам Хуайцина. Не рассчитал силу: ударил прямо в лоб, да так, что тот с размаху шлёпнулся на пятую точку.

Благо позади не стояло ничего лишнего. Хуайцин плотно уселся на пол и теперь сидел, задрав голову, с совершенно глупым выражением лица — даже толком не понял, что произошло. Чи Е обернулся, глянул на него, цапнул за тонкое предплечье и легко подхватил на ноги.

И как ни в чём не бывало вернулся к выбору торта.

Тун Хуайцин опешил, а затем во всём его существе закипела обида. Всю жизнь его изнеживали и опекали. Ладно, он смирился с тем, что пришлось скатиться до банального яичного кустарда, но попросить салфетку и получить за это по лбу?! Да ещё и на ноги его не подняли с заботой, а буквально выдернули за руку, словно мешок!

Чи Е кислую мину спутника проигнорировал. Тыча пальцем в картинку с тортом, он упрямо спросил:

— Сливки натуральные?

Хозяин лавки испуганно-угодливо заулыбался:

— Э-э... нет, но мы можем заменить на натуральные...

— На вид как? — Чи Е чуть подвинулся, освобождая обзор.

Тун Хуайцин дулся и упорно молчал.

Чи Е не стал заострять внимание. Оформив заказ, он направился к выходу.

— Тунтун, — окликнул он. Увидев, что тот стоит как вкопанный, покосился: — Чего встал? Пирожным не наелся?

— Ты меня толкнул, — процедил Хуайцин.

— А, — отозвался Чи Е.

Силы у него и правда было не занимать, и случайный жест легко мог отозваться болью. Раньше он обожал трепать за щёки мелких: сожмёт большим и указательным пальцами — и пухлые губёшки мгновенно складываются в бантик. Чэнь Сяньян ещё терпимо переносил эти нежности, а вот Чи Ино постоянно верещала и долго потом потирала красные отпечатки.

Чего там больного-то? Чи Е искренне не понимал и ломать голову над этим не собирался. Он небрежно ерошнул волосы Хуайцина:

— Ладно, в следующий раз буду поаккуратнее.

Тун Хуайцин, впрочем, сменять гнев на милость не торопился. Так и проходил с мрачной физиономией всю дорогу до дома, не вымолвив ни слова.

Припарковав трехколесный грузовичок, Чи Е не спеша запер воротца. «До чего же мелочный парень, — подумал он о Хуайцине. — Напридумывает себе лишнего, а потом дуется». Всё-таки надо было перетереть с ним по-человечески.

Дети ещё не вернулись из школы. После позавчерашнего дождя зелень в дворике буйно пошла в рост: глянцевые листья сочно расправлялись на солнышке, а влажная земля источала уютное тепло. На душе становилось мягче от одного взгляда на этот угол. Тун Хуайцин снова устроился на скамейке у сквозняка и, подперев щеку ладонью, уставился в пустоту.

Раньше он часто так замирал. Вымотавшись за роялем, смотрел сквозь окно на бьющий фонтан, на прозрачные, невесомые облака, слушал свист ветра и редкое щебетание иволги. Подолгу сидел без движения, пытаясь унять дрожь в переутомленных пальцах, чтобы снова вернуться к клавишам. Теперь никакой черной с белым клавиатуры его не ждало, и в груди зияла липкая пустота.

Почувяв, что рядом кто-то остановился, Хуайцин даже не поднял головы.

— Потолкуем? — Чи Е обмахивался шляпой с широкими полями, купленной у уличной

торгашки ради забавы. Солнце как раз спряталось за тучу, и двор накрыла приятная, благодатная прохлада. — Какие дальше планы?

Тун Хуайцин не поднимал глаз, разглядывая собственные ладони. Чи Е не устраивал допросов, не выпытывал ни настоящего имени, ни роду-племени. Спросил вполне обыденно.

— Без разницы, — едва слышно отозвался Хуайцин. А потом добавил: — Всё равно.

Чи Е продолжал возвышаться над ним:

— Домой не собираешься? Учиться бросил?

Густые длинные ресницы наконец дрогнули, и Хуайцин уставился на него снизу вверх. Когда человек смотрит снизу вверх, рот у него часто невольно приоткрывается — вот и Хуайцин приоткрыл, отчего приобрел совершенно растерянный, глуповатый вид.

— Ты только школу окончил или уже в институте? — гнул свое Чи Е. — Если с родителями размолвка, надо поговорить. Не бывает проблем, которых нельзя решить.

Чи Е не любил читать длинные нотации — считал их бесполезным сотрясением воздуха. В таком возрасте подростки все как один отбитые. Сопляки зелёные, эмоции через край, о последствиях не думают вообще — способны на любую дурость. Вроде того чтобы в ливень попереться к реке.

Чи Е хотел было добавить ещё пару слов, как вдруг заметил, что Тун Хуайцин опустил голову и тихо усмехнулся.

Обычно его лицо оставалось безучастным, но стоило разгладиться суровой складке меж бровей, как оно преображалось — становилось удивительно ясным и притягательным.

— Чи Е...

— Ни стыда, ни уважения. Зови «брат», — перебил тот.

Утром, бреясь, Чи Е зазевался и скребанул бритвой по подбородку. Йодом прижигать не стал, просто ополоснул холодной водой и пошел по делам. Теперь на ранке запеклась тёмная корочка. Немудрено, что кондитер принял его за бандита — диковатый вид, что и говорить.

— И сколько же мне, по-твоему, лет? — Хуайцин всё ещё улыбался. Подумав секунду, поправился: — Босс Чи?

Последнее обращение он выделил с явной насмешкой, чуть растягивая гласные. Уловив этот поддразнивающий тон, Чи Е отложил шляпу. Стало понятно: парень просто выглядит слишком молодо, и он промахнулся с возрастом. Впрочем, Чи Е был не прочь подыграть. Когда этот заморыш только отлеживался в бреду, спроса с него не было, но, оклемавшись, он превратился в сухую деревяшку — ни улыбки, ни слова. А тут наконец проклюнулась живая искринка.

— Семнадцать? — намеренно занизил Чи Е. — Или шестнадцать? В старших классах мучаешься?

Тун Хуайцин сжал губы, а в уголках глаз заплесали лучики:

— Мне тринадцать. Поверишь?

Чи Е окинул его взглядом с ног до головы:

— Ну, аккурат как Яньнянь. Для тринадцати рост солидный, пубертат только начался, ещё вытянешься.

Улыбку с лица Хуайцина как рукой сняло.

Роста он был вполне нормального — чуть за метр семьдесят, — но какому мужчине не хочется выглядеть выше? К тому же детские занятия балетом наградили его легкой, воздушной осанкой. Стоило ему облачиться в смокинг и туфли, как разворот плеч и выправка тут же привлекали взгляды. Вот только рядом с машиной по имени Чи Е вся эта изящность меркла.

— Босс Чи, — сухо почеканил Тун Хуайцин, — мне двадцать пять.

— Ого, — Чи Е искренне изумился. — Ни за что бы не дал.

Всего-то на три года младше.

Хуайцин опустил ресницы, мысленно отрезав: «Слепой козёл».

— И в двадцать пять лет сбегать из дома? Напряг какой-то... — Чи Е снова взял за шляпу, навеяв прохладу. — Из-за бабы, что ли, расстроился?

Других причин лезть в петлю или в воду у здорового мужика его лет он представить просто не мог.

Солнце клонилось к закату. Золотистые косые лучи скользили по кирпичной кладке и оседали на бронзовой коже Чи Е, придавая его вылепленной из мускулов фигуре неожиданную, едва

уловимую мягкость.

Да, с виду он был чистый разбойник: косая сажень в плечах, литые жвалы мускулов — мог шутя одной левой поднять Хуайцина и встряхнуть в воздухе. В людях от него веяло лихой поволокой; незнакомцы при встрече с ним невольно сжимались, отводя глаза.

Но дома Чи Е становился совершенно другим. Своих в обиду не давал, улыбался часто, стряпал регулярно — без перебоев. Когда Хуайцин лежал в бреду после падения в реку, он на мгновение очнулся и увидел Чи Е. Тот здоровенный мужик с трудом уместился на детском табурете-малышке, уперся локтями в широкие колени и с сосредоточенным видом штопал сестренке тканевый мешочек для игр.

Хуайцин тогда мельком глянул на эту картину через полусомкнутые веки и снова провалился в сон. Скорее всего, именно тот кадр напрочь лишил его страха перед этим верзилой. Потому-то он и огрызнулся без оглядки, и даже отвесить пощечину не боялся.

Вот и сейчас:

— Никто от меня не уходил, — отрезал Хуайцин с ледяным видом. — Перестань фантазировать.

С улицы доносились торопливые шаги возвращающихся домой ребятишек; в сумерках вились сизые струйки дыма, перекликаясь с детским смехом за глухим забором. Чи Е с искренним недоумением воззрился на собеседника:

— Так с чего тебя тогда переклинило?

По его мнению, о таких вещах не нужно было шептаться по углам — выложил всё начистоту, перетерли, и на душе сразу легчает.

— Прешься в ночи к реке, под проливным дождем... Что там, золотой топорик твой на дно утоп, что ли?

Тун Хуайцин выделил каждое слово:

— Я. Не. Собирался. Топиться.

Может, мыслишки и проскакивали, но раз уж обошлось — можно с чистой совестью идти в отказ.

— Я просто вышел посмотреть на луну, — тихо проговорил он. — А тут выскочил ты и сшиб меня прямо в воду.

Слава богу, обошлось парой ссадин, ничего страшного.

Чи Е прищурился:

— Точно не хотел?

—... Ты дурак или притворяешься?

У соседей зашипело масло на сковороде — обжаривали лук, имбирь и чеснок. Пряный, разжигающий аппетит аромат волной перемахнул через плетень. Запах домашнего уюта уколол прямо в сердце, пробуждая детские воспоминания.

Калитка с шумом распахнулась.

Чи Ино вприпрыжку пересекла двор, с порога сбрасывая портфель:

— Брат, ты заказал торт?! — И тут же обернулась к Хуайцину: — Брат Тунтун, завтра я угощу тебя самым вкусным блюдом на всём белом свете!

Виновница завтрашнего торжества с разбегу зарылась носом в живот Чи Е, и тот легко подбросил её в воздух. Девчушка заходилась заливистым хохотом.

— А где второй брат?

— Его дедушка Янь увёл — сбивать с деревьев унаби!

Двор дышал мирной жизнью: вдоль стены буйно цвела жимолость, из соседских окон пахло горячим ужином, осенняя прохлада тихо баюкала этот обыкновенный теплый вечер. Тун Хуайцин прикрыл глаза, чувствуя, как защипало в уголках.

— Ой? — Чи Ино склонила голову набок. — Брат, ты что, плачешь?

Хуайцин с улыбкой качнул головой.

Он просто подумал о том, что ему пора уходить.

— Я отрежу тебе самый огромный кусок! Где больше всего сливок!

Девочка гордо выставила перед собой ручки, хвастаясь ярко-красным маникюром:

— Красиво? Хочешь, я и тебе покрашу?

Чи Е сгреб её в охапку за затылок, разворачивая в сторону дома — загонять за уроки, — и на мгновение зацепился взглядом за кисти рук Хуайцина.

Он уже давно подметил: этот парень берёт свои руки как зеницу ока. Не делал ровным счетом ничего, что могло хоть как-то навредить пальцам. Аккуратные, округлые ногти розоватого оттенка, тонкие, длинные фаланги. Он то чинно складывал их на коленях, то подпирал ими щеку, но никогда не откручивал тугие крышки, не лез в ледяную воду и за версту обходил любые острые предметы.

Впрочем, не исключено, что он просто был белоручкой и отпетым лентяем.

После ужина Чи Е приволок здоровенный темно-зелёный арбуз в полоску. Небо расчертили миллионы звезд. Набрав в таз студеной воды, он уложил туда арбуз охладиться, после чего крикнул, чтобы кто-нибудь принес кухонный нож.

За ножом сбежал Чэнь Сяньян.

Стоило лезвию лишь слегка коснуться корки, как арбуз с треском лопнул, явив миру сахарную, ярко-алую мякоть с черными косточками — спелую, душистую, истекающую соком.

Хуайцин угощаться не стал. Лишь походил вслед за Чи Е и тихо спросил, какой подарок хотела бы получить Ноно.

Чи Е посчитал это излишним ёрничеством: сам даже за ножом сходить постеснялся, а туда же — подарки. Поэтому отмахнулся: «Да без разницы». Детей порадовать — дело нехитрое, собрались за столом, посидели, похихикали, вот и ладно.

К тому же праздник выпал на будний день, так что поутру мелких отправили в школу. Тун Хуайцин на сей раз не потащился за Чи Е в автомастерскую слоняться без дела, а заявил, что останется дома — мол, есть кое-какие дела.

Чи Е приставать не стал. Отпахав до полудня, он прихватил заказанный торт и вернулся во двор. Огляделся — пусто.

— Тунтун? — крикнул он с сомнением.

Из кухни донесся невнятный шорох.

Сгрузив торт на стол, Чи Е заглянул в дверной проем и остолбенел. Мать честная! Хуайцин стоял у плиты и вдохновенно месил тесто. На мятно-зеленой рубашке белели отпечатки

мучных пальцев, миска из нержавейки воевала за место с пиалой для воды, а на темной разделочной доске покоилось несколько расплывшихся, липких комков. Воду вытереть он не успел, и под ногами у него расплывалась лужа. Хуайцин хаотично пытался оттереть с ладоней тесто, тянувшееся длинными, вязкими нитями.

Чи Е застыл как вкопанный.

От прежнего недотроги и следа не осталось. Хуайцин виновато хлопал глазами:

— Я хотел... сварить ей лапшу долголетия.

— Вроде же говорят: кашу маслом не испортишь... то есть, если жидко — добавь муки, если густо — подлей воды...

Голос его угасал с каждым словом. Он смущенно поднял руку и почесал щеку, окончательно измазавшись. Видимо, от усердия и долгого контакта с холодной водой его изящные ладони покраснели. Мука щедро запорошила чуб и ресницы, а теперь ещё и на щеке красовалось белое пятно.

Настоящий снеговик.

И с чего бы это, но Чи Е вдруг подумалось: «А ведь милый, чертяка».

<http://bllate.org/book/19966/1985834>